

Татьяна
ВАСИЛЬЕВА

МОНОЛОГ НЕ ДЛЯ СЦЕНЫ

Достаточно
произнести имя,
чтобы увидеть
лицо.

Привычно-
ироничный тон,
естественная
живость —

так
воспринимается
эта актриса
многими...

Вместе с тем
это женщина,
окруженная
аурой теплой
притягательной
красоты.

с открытым
взглядом
искрящихся глаз...

И вдруг...
монолог страстный
и совсем
невеселый.

Материал
подготовила
Ольга
ДУБОВИЦКАЯ.

НЕТ СИЛ сопротивляться... Вся жизнь — «от
противного»... Выжимаешь, выжимаешь из себя
по капле последний оптимизм. Иногда — страшно!
Чувствую, что превращаюсь в робота; какая-то
дикая усталость, безысходность, особенно последние
полгода. Порой хочется кричать, как у Лопатина:
когда же кончится эта несчастная жизнь, за что
мы так страдаем, в чем провинились. Из дома
выходить не хочется. Вы обратили внимание:
в метро, на улицах — сплошные черные тона, в
лучшем случае — серые, не за кого зацепиться
взглядом. Тоскливо-страшно за детей...

ПО МОЛОДОСТИ как-то все проще: воспринимаешь
окружающее скептически и потому — легко. А
когда минует онегинский возраст, становится
сложнее принимать действительность с юмором.

ИНОГДА мне кажется, что схожу с ума; смотрю
вокруг и ловлю себя на мысли: ведь это же
фильм ужасов, дурной сон — и видеть не хочется,
и не смотреть не можешь. Времена Босха: полуди-
люди, полунепонятные существа, на всем — печать
вырождения.

НО... в самый критический момент откуда-то из
вне появляется энергия, заполняет внутреннюю
пустоту, какая-то космическая подпитка... И снова,
не пытаясь развеяться, цепляюсь за каж-
дую малость, за любую возможность поднять на-
строение, восстановить силы.

Я ОЧЕНЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНА к цветам, запа-
хам, имеет значение все: цвет дня, освещение, ка-
кие-то интимные вещи...

НЕПОНЯТНЫМ ОБРАЗОМ открываются неве-
домо кем доступные, шлюзы; какая-то осязаемая,
но невидимая сила поддерживает, предупреждая
или выключая стресс; и непонятно, что с тобой
было: бред, абсурд, ведь ничего не случилось...

НА ДОРОГЕ машиной сбило собаку, ничем не
поможешь, надо пройти мимо, но стоишь и смот-

ришь... Борешься с естественной домашней кошки,
чтобы не топтать котят... Ну и что... Вроде — все
нормально... Но... Нет покоя...

ОДНО ЗЛО порождает другое: кто-то подчинен
нам, кому-то подчинены мы.

Иногда думаю: а может, все так и должно быть,
и мы расплачиваемся за собственное зло; может,
нам только кажется, что мы — добрые, хорошие,
правильные...

МОЯ МАМА была безнадежно больна комму-
низмом, папа — атеист. Потому, неокрепшая
в детстве, я почувствовала потребность принять
христианство только в тридцать лет, не умом —
сердцем. Затем я окрестила сына и дочь, а сейчас
у дочери есть няня, с которой они каждый день
посещают Храм (недалеко от нашего дома — цер-
ковь «Подворье»), отстаивают службу, причащаются.
Мне кажется, Лиза понимает гораздо больше,
чем я в ее возрасте и мой достаточно взрос-
лый сын. Это вселяет надежду.

Когда время дает возможность и мне пойти с
ними, испытываю настоящее облегчение. Каждое
утро слышу звон колоколов, вечером — снова...
и возникает насущная потребность уйти в себя,
побыть наедине с собственной сущностью... Тогда
надеваю платок и иду в Храм; тянет уже только
погому, что знаю: оттуда не прозвонят. там — не
обидят, становится как-то теплее...

Выхожу на улицу и думаю: а не мало ли мы
делаем, чтобы так много просить, достойны ли мы
своих просьб.

ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНО в жизни — театр. Это —
тоже Храм.

Чувствую себя в его стенах, как в ином измере-
нии.

Могу сорваться, выйти из себя дома (тогда до-
стается детям), на съемочной площадке, но...
только не в театре!

НЕ ЛЮБЛЮ КИНО... То есть не само кино, но
кинолюдей, по большей части безнравственных,
бесчестных, непрофессиональных бизнесменов, не
только владеющих кинопроцессом благодаря нали-
чию средств, но и с претензией на лидерство
в подчас неплохой или даже сильной актерской
команде. Все — из-за наличия не таланта, нет, а
тех же «средств». И не умеющих при этом связно
произнести одно словосочетание, ну, исключая
«пошли вы». И нормальные актеры, а порой и ре-
жиссеры пляшут под их дудку.

Не могу с этим смириться. Не может создаваться
что-то стоящее там, где растоптано человеческое
достоинство.

В ТЕАТРЕ — совсем другое дело. Здесь атмос-
фера чище, благожелательнее и люди порядоче-
нее, добрее, интеллигентнее, культурнее в боль-
шинстве своем.

В театре я живу образами.

Не люблю патологического актерства: актер,
который всегда играет самого себя, по-моему, —
плохой актер.

Стараюсь видеть свою героиню со стороны как
бы, режиссерским взглядом и именно играть
ту, которую играю.

ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, но трудности подстерегают,
а неудачи заставляют собираться.

Иногда становится просто любопытно: а сколько
же я могу вынести?

Относясь с иронией к самой себе, начинаю под-
задоривать близких, и хоть не умею рассказать
анекдот с началом и с концом, но могу заразить
компанию весельем, и, конечно же, это пробивает
ся в создаваемые образы.

СО СПЕКТАКЛЕМ «Вишневый сад» начался
совсем иной этап моей творческой жизни.

Истинное искусство — единственное, что мо-
жет поставить меня на колени.

РАНЬШЕ я была очень мнительной, но со вре-
менем мнительность переросла в интуицию. Я ста-
ла чувствовать людей: смотрю, как человек дер-
жит чашку, — и уже понимаю, что он из себя
представляет.

НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО, я верю: в Бога, в
Космос, в Судьбу. Как можно не верить в то, что
с тобой постоянно происходит! И может быть, по-
тому все-таки ощущаю радужные тона...

Медиа-1992. — с. 14-15. — с. 14-15. — с. 14-15. — с. 14-15.